

Глава 13. Ночной разговор.

Майю поздравляли шумно и радостно, вокруг плавали ахи и охи:

— Великолепно!

— И выставка, и вечер. Колхозу утёрли нос!

— Если на маленьких участках растёт, должно и на больших вырасти. Вы бы наших бригадиров, Майя Ивановна, на перевоспитание к себе.

— За пирог спасибо! И за салаты! Не бригадиров надо, а наших хозяек к вам на обучение.

— Хотела бы я посмотреть, каким ты станешь от картофельных блинчиков да капустных котлеток! Тебе мяса подавай!

— Ха-ха, это верно!

— Новых вам побед, дорогая Майечка!

Словно гибкая весёлая рыбка ленок, кружила Майя в толпе, запрудившей длинный школьный коридор. Волосы у неё растрепались, глаза сверкали счастливо. С находчивостью и проворством она умудрялась отвечать всем сразу и каждому своё: «Ребят благодарите, не меня. Что ж, присылайте свою жёнушку на стажировку. Солнце? На полях разве солнце другое?.. Хорошо, хорошо, семена дадим».

Сергей издали следил за ней. Только что колхозные ораторы превозносили её учёность, а она никогда, как сегодня, не была так похожа на девчонку. Счастье и мука — смотреть на неё.

На вечер урожая в школу сошлось всё село. В двух классах, где устроили выставку, пахло земным и пряным — как пахнет на всех сельскохозяйственных выставках. Картофелины — не всякую и в карман засунешь, капуста — что ни кочан, то куст. Со скромной удовлетворённостью хозяев прогуливались меж стендов школьники, изредка поглядывая на свои богатства.

Аласов решил, что ему всё же следует подойти к Майе. Все поздравляют — глупо стоять этак букой в стороне, оно ещё заметнее.

— Сергей Эргисович, вас просят! — не дав ему дойти до Майи, шариком бросился под ноги мальчонка из пятого класса. — В учительскую просят...

Мальчонка знал, когда появиться.

В учительской Аласова ожидал ушастый парень в парадном костюме. Тимир Иванович представил его Аласову:

— Вожак колхозной комсомолки Аял Семёнович Ефимов.

— Вот собрание хотим провести с десятиклассниками, — как о решённом деле сказал вожак Аласову.

— Какое такое собрание?

— После десятого остаться всем в колхозе. Взять обязательства, обратиться с призывом к другим школам... Я только от телефона. Сообщил в райком, какой

тут вечер, а они: куй железо пока горячо! — Парень засмеялся. — На волне общего энтузиазма...

— А вы откуда узнали, что десятиклассникам хочется остаться в колхозе?

— Кто узнал? Я, что ли? Да ниоткуда! Из райкома комсомола указание. По телефону!

— А райкому откуда известно?

— Почём я знаю?! — Парень уже сердился на бестолкового учителя: что тут непонятно? — Сначала нужна речь от руководства школы, потом от самих десятиклассников.

Простота этого сценария покорила Аласова. Не слушая дальше, он сказал:

— Нет, друг мой, не будет сегодня собрания.

— Это почему же?

— Преждевременно. Так райкомовцам и доложи.

— Да как же это! Тимир Иванович, вы-то чего молчите? С меня же в райкоме стружку снимут!

Тимир Иванович только руками развёл.

— Классный руководитель — хозяин класса...

Нужно было ещё поработать. Он усадил себя за стол, заставил раскрыть тетрадь. Но дело не шло. Капустные кочаны, белые передники юных поварих, прыгающие от возмущения губы комсорга. И Майя... Бывает, взглянешь на что-то слепящее, и оно долго стоит в глазах пятном. Так неотступно стояло в глазах её счастливое лицо.

Сергей закрыл тетрадь и вышел. После яркой лампы ночь показалась чернее сажи — ни неба, ни земли. Перевалило за середину октября, но всё ещё держалась необычно тёплая для здешних мест осень. Издалека доносился собачий брёх. Неожиданно небо вдали посветлело, огни далёкой автомашины обозначили зубья леса. Волглая ночь будто впитала в себя шум мотора, и необычным казалось зрелище — во тьме беззвучно выросли две огненные жерди, покачались в воздухе, перемахнули через деревню и упёрлись в низкое клубящееся небо. Наверно, в сельпо привезли товар из райцентра.

Неповторимый рисунок лесной гряды...

Облачье, цепляющееся во тьме за сосны.

Ни с чем не сравнимый дух влажной земли, собравшейся на зимний покой.

И две светлые жерди в ночи...

Всё это и есть — родина. Родная сторона.

Сам себе удивлялся, когда в последние годы стало так ныть сердце, так затосковалось по Арылаху. Пробовал посмеяться над самим собой: чисто стариковские настроения.

Но кончилось тем, что однажды махнул рукой на все прочие обстоятельства, решился... И вот он здесь.

Всё как-то не свыкнется с мыслью: он здесь. Здесь, насовсем. Учительствует в местной школе. И уже успел нажить себе некие неприятности, непредвиденные хлопоты. И обмануться в чём-то.

Приехал с совершенно твёрдым планом: буду учительствовать, не особенно нагружаясь, а всё свободное время, которого, надо думать, в сельской тиши будет немало (да под крылом доброй матушки), каждый свободный час — на подготовку к заочной аспирантуре.

Увы, на сегодняшний день эта аспирантура даже дальше, чем в день приезда.

И ещё... Впрочем, об этом не надо.

Но что с ней поделаешь! Опять наплыло, будто на фотобумаге, когда проявляешь, проступило радужно сквозь чёрную ночь её улыбающееся лицо, сощуренные глаза...

Да, Майя. Да, об этом. Самое тревожное из всего, о чём подумалось. Плохо с Майей... Уж лучше бы ничего вовсе не было!

Во тьме заалел светлячок папироски. Он двигался, постепенно приближаясь.

— Сергей Эргисович?

— Он самый... — ответил Аласов, не узнавая голоса.

Прохожий подошёл вплотную, в слабом свете папиросы обозначилось его лицо.

— А, Егор Егорович... Добрый вечер, уважаемый председатель. Откуда так поздно?

После истории с добыванием машины для Аксю Аласов с Кардашевским встречался несколько раз, отношения между ними сложились добрые.

— По участкам гонял. Дело такое наше, председательское. А чем всё в школе кончилось?

— Как и положено — играми да танцами...

— Выставка отличная! За передовой агротехникой мы вон куда ездим — в краснознаменный «Эсемях». А тут, оказывается, под боком. Я бы вашу Майю Ивановну на руках носил, честное слово!

Оба засмеялись. «И я бы носил», — не без горечи подумал Аласов. То, что Кардашевский так тепло сказал о Майе, сердечно расположило Сергея к этому человеку, затурканному своими председательскими заботами.

— А что, Егор Егорович, может, заглянем ко мне в дом? Обсудим, как нам носить Майю Унарову на руках?

— Есть другой вариант — отправиться ко мне. Там сегодня рыбный пирог запланирован.

— Да здравствует пирог! — воскликнул Аласов и единым духом перемахнул через изгородь.

Конечно, мальчишество это — идти в незнакомый дом, да ночью. Но такое водилось за Аласовым: был он лёгок на подъём.

— Оксана, дорогая! Гостя тебе привёл.

— Сейчас... Я сейчас! — метнулась женщина в соседнюю комнату; голос у жены Кардашевского был певучий, низкий — очень подходящий женщине, носящей такое звучное имя. — Присаживайтесь там, и извините меня, пожалуйста.

Увидев молодую женщину, успевшую за минуту красиво причесаться, Сергей не узнал хозяйки — да она ли? Ладошка у Оксаны была нежная.

— Каждый вечер вот так допоздна. Тойон мой...

— Тойон... — кивнул Кардашевский в сторону кухни, куда ушла жена. — Слыхали, Сергей Эргисович? Моя Оксана вроде того Карла Пятого, который с богом по-испански, с друзьями по-французски, с врагами по-немецки, а с женщинами по-итальянски. Оксана о делах — по-русски, когда я ей нравлюсь, на украинскую мову переходит: «Коханий мий...» А хочет приструнить, тут пробует по-якутски вразумлять. Благо десятка два слов знает. Тойон вот...

Заглянув в комнату, где только что переодевалась Оксана, Кардашевский поманил за собой гостя. В кроватке, разметавшись среди одеялец, спал толстенный малыш. Соска-пустышка лихо торчала у него в уголке рта.

— У нас тут своя выставка, — сказал Кардашевский с плохо скрываемой гордостью. — Тоже гибрид: волосы по-якутски ёжиком, а глаза синие... Ничего себе богатырь?

На цыпочках они вышли.

— Богатырь... И в такое хорошее время родился. Будет счастливым!

— Должен быть, — подтвердил Кардашевский со всей серьёзностью; и вдруг без всякого перехода: — Там у вас сегодня собрание десятиклассников должно было состояться... насчёт нашего колхоза. Сорвалось?

Сергей понял: председателю все известно, — не за этим ли Кардашевский и зазвал его к себе?

— Не состоялось. Сочли, что несвоевременно.

— Кто же это так «счёл»?

— Ваш покорный слуга.

— Вот те раз... Быть этого не может! — Кардашевский старательно изобразил на лице удивление. Экую комедию затеял!

Аласов засмеялся. Теперь удивился Кардашевский: чего же тут весёлого? Он даже начальственно постучал мундштуком по пепельнице — будто на колхозном собрании.

— Вопрос этот, Сергей Эргисович, очень серьёзный. Поставлено на карту будущее колхоза: молодёжь рвётся в город.

— Не тому я смеюсь, что считаю вопрос пустяковым. Прошу извинить меня, — Аласов посерьёзnel. Почувствовал: от того, как сложится этот разговор, будут зависеть дальнейшие взаимоотношения с председателем. И больше — как вообще пойдут у него дела в Арылах.

Он помолчал, размышляя, как бы толковее изложить всё, что было передумано, выношено в спорах с самим собой. Однако председатель понял молчание Аласова по-своему: гость уклоняется от разговора. Видимо, и он много ждал, тоже хотел разумной беседы, а не просто стычки и спора.

Мягко тронув гостя за колено, председатель сказал доверительно:

— Вы поймите моё положение, Сергей Эргисович... Не думайте, что я вторгаюсь в школьные дела, хочу залезть грубым копытом в тонкое дело воспитания... Если я заговорил об этом, так от великой беды и нужды. Вы попробуйте вот взглянуть на эту проблему отсюда, с нашей колокольни... Говорят: сами виноваты, создавайте молодёжи условия, чтобы она без всяких понуканий шла к вам. Может, со временем и создадим, но... создадим лишь с помощью молодёжи. Не со стариками же и старухами!.. Заколдованный круг какой-то... Вот вы выступаете против того, чтобы десятиклассники взяли обязательство остаться в колхозе. Может быть, для иного это и диковато звучит — «обязательство остаться в колхозе». Но, повторяю, не от хорошей жизни это. Или они останутся — и колхоз расцветёт. Или разъедутся, уйдут — тут наш Арылах хоть закрывай...

На лице Кардашевского тяжёлая забота, можно было представить, как огорчил его срыв собрания в десятом классе.

— Вы, Егор Егорович, напрасно так со мной, ей-богу... Будто я с Луны свалился... А я и сам сельский человек, в Арылах вернулся с мыслью сделать всё возможное, чтобы людям в моей родной деревне лучше жилось... Учитель детей воспитывает прежде всего в любви к отчизне, к труду отцов... Вы вот Майей Унаровой сегодня восхищались. Разве то, что она делает, не есть самое активное воспитание этой любви! Но нынешний десятый класс — это особая статья. Класс озлобленный, переживший кризис. К любым «мероприятиям» у них органическая сопротивляемость. «Не будем чистить коровники» — как девиз. Как довели ребят до такого? Не стану утомлять вас анализом причин, много их. Есть и среди учителей свои дураки. Иные лентяев страшат: «Не желаешь

учиться — пойдёшь в колхоз за коровами убирать!» Правда, за последнее время в классе немного стронулось...

— Ну так почему же!.. — Кардашевский даже подался к Аласову.

— Почему же вы в таком случае возражали против собрания? — закончил его мысль Аласов. — Скажите мне прямо, Егор Егорович, разве вам такие работники нужны, которые подпишут обязательства сгоряча, а завтра остынут и ахнут: вот как нас поймали — «на волне энтузиазма», как говорит тот ваш долдон, что с телефона сорвался, с ножом к горлу — подай ему обязательства! Такие «вербованные» едва ли колхозу нужны, цена им известна. Разве в прошлые годы в школе не проходили такие собрания — «в порядке массового охвата»? Много они дали вашему колхозу?..

— Мужчины, хватит разговоров, несу пирог! — Оксана, выразительно подбоченясь, встала на пороге.

Выглядела она живописно — щирая украинка, прекрасная в своей молодости. Олицетворение всего, что видится мужчине за словами: домашний очаг, семья. Можно было представить себе, какое это счастье для Кардашевского — его Оксана. Пусть любые неприятности, но всегда знаешь, что вечером эти руки обнимут тебя, и эти губы... Аласов отвёл взгляд — не прочла бы она его грешные мысли,

— Сергей Эргисович, вернитесь к действительности. Позвольте вам как гостю... Вот кусочек... Вы всегда такой задумчивый, Сергей Эргисович, или это мой Егор вас расстроил?

Улыбка у неё милая, глаза синие-синие...

Кардашевский разлил по рюмкам вино:

— Ладно, Сергей Эргисович, давайте за наше общее дело... Оксана, выпей и ты с нами — очень уж тост ответственный.